

Выпроводить? И всё? Просто выпроводить? У Хэлянь Хэна что, такой мягкий характер? Неужели он именно так управляет своими приближенными и подчиненными?

Хотя в свое время, когда его собственный родной младший брат неоднократно пытался его убить, он тоже не стал по-настоящему сурово наказывать Юйчи Чуня... Но в конце концов, тут была разница — то ведь был его самый настоящий кровный брат. Хэлянь Хэн что, брезгует марать руки о какого-то продажного мальчишку низшего сословия, или у него и вправду настолько добрый нрав, что он позволяет творить бесчинства негодяям под боком?

Цзун Цзинь никак не мог этого взять в толк. На мгновение он замер на месте, в недоумении глядя на мужскую спину и вскинув брови — одну выше, другую ниже, а в глазах плескалось сплошное удивление.

Не услышав позади шагов удаляющегося человека, Хэлянь Хэн нахмурился еще сильнее. Искоса глянув назад, он глухим голосом, в котором сквозило сдерживаемое раздражение, бросил:

— Убирайся.

— Ты вот так просто это отпустишь? — не удержался Цзун Цзинь. — Я хотел тебя убить, а ты вот так всё оставляешь?

— Это еще смотря по тому, смог бы ты меня убить, — холодно искривил губы Хэлянь Хэн.

В этих словах сквозило предельное издевательство, и было совершенно неважно, злился ли в этот момент сам Хэлянь Хэн — в конце концов, он определенно был рассержен.

Цзун Цзинь молниеносно подскочил, подобрал крошечный кинжал и уже не заботился о том, сможет ли его нынешнее хрупкое тело хоть на что-то согнуться. Человек может умереть, но боевой дух нельзя терять ни при каких обстоятельствах: на поле боя тот, кто испугается первым, уже проиграл девять десятых.

Хрупкий и прекрасный мальчишка протянул руку, бесцеремонно направив острие прямо на Хэлянь Хэна:

— Если у тебя есть хоть капля мужества, давай сойдемся один на один, и посмотрим, смогу ли я тебя убить!

По бокам от Хэлянь Хэна стояла резная деревянная витрина, уставленная множеством изящных вещиц. Пока Цзун Цзинь вовсю заявлял о своих воинственных намерениях, рука Хэлянь Хэна как раз лежала на второй полке сверху, а кончики пальцев касались холодного кинжала.

Он совершенно не обратил внимания на слова Цзун Цзиня — лишь на секунду отвел взгляд и снова уставился на клинок.

Ножны этого кинжала были отлиты из черного золота, их сложный узор совсем не казался хаотичным, а под рукоятью особенно выделялись вырезанные три язычка пламени. Подушечка пальца Хэлянь Хэна прошла по огненному узору, оглаживая его туда-сюда, и он еще долго не убирал руку.

Заметив, что его выкрики полностью проигнорировали, Цзун Цзинь до боли закусил изнанку щеки, намереваясь выдать еще парочку угроз.

Но не успел он открыть рот, как глаза его упали на тот самый кинжал.

Разве это не его вещь?!

Четырехгранные зубья — у клана Хэлянь, три язычка пламени — у клана Юйчи.

Этот кинжал был любимым сокровищем Юйчи Ланя. Он купил его в юности, когда шатался где ни попадя, у какого-то разорившегося торговца; а те самые три язычка пламени на нем он вырезал собственноручно — вышло криво и косо.

Четыре года назад, во время их первой стычки с Хэлянь Хэном, они трое суток напролет рубились в Долине Циньгуань на границе Шанчжоу и Юйцюаня, но так и не смогли с боем прорваться в Юйцюань, зато едва не позволили армии Хэлянь отжать огромную территорию Шанчжоу.

Именно тогда и был потерян этот кинжал из черного золота, из-за чего он убивался целую вечность.

О небеса, глава великого клана Хэлянь, а опускается до подобного крысятничества даже на поле боя!

Цзун Цзинь на миг лишился рассудка. Совершенно позабыв о том, кто он теперь такой, он выпалил:

— Верни его мне!

Мужчина прищурился и спокойно подметил главное:

— Вернуть?

— ...Ой, то есть, — тут же опомнился Цзун Цзинь, — подари его мне!

— Подарить тебе?

Чем больше Хэлянь Хэн всматривался, тем меньше понимал происходящее: если этот мальчишка собирался его убить, это подтверждало его собственные подозрения и подозрения

Бэйтана; но с другой стороны, этот парень выказывал непростительную для убийцы смесь глупости и безрассудства. Ему следовало бы либо старательно ухаживать за ним и угождать в постели, либо тихо-мирно держаться рядом и выжидать подходящего момента... Вот это был бы настоящий, продуманный наемный убийца.

И что это сейчас такое? Он ни в грош не ставит самого Хэлянь Хэна или он и впрямь дурачок?

— Подарить тебе, чтобы тебе было удобнее меня убить? — Хэлянь Хэн не рассердился, а усмехнулся, наконец убирая руку с кинжала. — Немедленно убирайся, чтобы мне не пришлось повторять дважды.

— Отдашь — тогда уйду! — уперся Цзун Цзинь.

Мужчина посмотрел на него долгим, полным скрытого смысла взглядом, но его слова пропустил мимо ушей.

Цзун Цзинь вовсе не собирался препираться с ним туда-сюда. Не раздумывая ни секунды, он подался вперед и протянул руку, намереваясь стянуть кинжал прямо из-под носа у Хэлянь Хэна:

— Раз прощу — так отдавай! Разве не расточительно держать такую прекрасную вещь без дела? Хорошим вещам положено приносить пользу...!

Но Хэлянь Хэн обладал молниеносной реакцией: не успел Цзун Цзинь коснуться ледяных ножен, как кинжал уже исчез.

Однако он не собирался сдаваться и попытался отнять оружие силой. Противник же вовсе не спешил уворачиваться — просто взмахнул рукой, подняв кинжал туда, куда Цзун Цзинь никак не мог дотянуться.

— Отдай... Отдай мне, твою мать!! — сквозь зубы процедил Цзун Цзинь, машинально вздымаясь на цыпочки.

Влево! Вправо! Влево!...

Хэлянь Хэн, словно дразня ребенка, перекладывал кинжал из стороны в сторону, а Цзун Цзинь продолжал отчаянно тянуться, неизменно опаздывая на шаг и ни до чего не дотрагиваясь. Лишь когда стоявший перед ним мужчина не выдержал и пренебрежительно фыркнул, Цзун Цзинь с опозданием сообразил, что с ним играют, как с ручной обезьянкой.

Тяжело дыша, он замер на месте и в упор уставился на Хэлянь Хэна. Вспомнив, что у него за пазухой припрятан еще один нож, он тут же пустил его в ход:

— Если не отдашь, я тебя и вправду убью!

— Прошу.

— Ты!

Наверное, Хэлянь Хэн обладал врожденным даром выводить людей из себя: всего одно легкое слово — и кровь у Цзун Цзиня в жилах закипела от ярости.

Взмахнув маленьким ножиком, он ринулся прямо в область сердца Хэлянь Хэна.

При их нынешней дистанции острое могло проткнуть кожу мужчины в мгновение ока. Но выражение лица Хэлянь Хэна осталось прежним — он словно был заранее уверен, что тот не посмеет нанести удар всерьез.

В противнике не было ни капли жажды убийства, и Цзун Цзинь отчетливо это чувствовал. Но именно из-за отсутствия этой жажды у него возникло смутное предчувствие: здесь кроется какой-то подвох.

Стоит сердцу дрогнуть — и рука замедлится.

В то же самое мгновение Хэлянь Хэн тихо бросил: «Эй, сюда». Из-за ширмы в глубине комнаты мгновенно выметнулись две темные фигуры: одна из них ударила Цзун Цзиня рукоятью меча по запястью, а вторая со всего маху врезала плашмя по голени.

Ситуация перевернулась с ног на голову в одно мгновение.

Мальчишка рухнул на колени, и кости с глухим стуком врезались в каменный пол.

— Хэлянь Хэн, сукин ты сын, подставил меня... — от дикой боли у Цзун Цзиня из глаз брызнули слезы, голос упал до шепота, но язык по-прежнему оставался поганым. — Ты еще и людей прятал, ты...

— Разве я говорил, что во внутренних покоях нахожусь один? — холодно произнес Хэлянь Хэн, возвращая кинжал из черного золота на прежнее место. Больше не обращая внимания на грязную ругань Цзун Цзиня, он отрывисто приказал: — Уведите на передний двор, наказать по шестому пункту воинского устава.

— Есть!

— Хэлянь Хэн! Клянусь, пока в моем теле теплится хоть капля духа, я тебя зарежу!!

Эти двое оказались куда проворнее амбалов из числа обычной прислуги. Они попросту взвалили Цзун Цзиня на плечо и, словно порыв ветра, вынесли вон из внутренних покоев, попутно заботливо притворив за собой дверь.

Брань Цзун Цзиня постепенно затихла вдали.

Мужчина на мгновение замер посреди комнаты, глядя на брошенный на полу нож. В памяти все еще стояла картина: как Цзун Цзинь на цыпочках тянулся к нему, пытаясь отобрать вещь. И надо же — такой хрупкий, такой изнеженный на вид; но этот взрывной нрав, да еще и привычка постоянно поминать себя через «я» в грубой мужской манере — ну вылитый прославленный военачальник верхом на коне.

Особенно взгляд. Взгляд можно было назвать точной копией.

Если бы и впрямь существовало перерождение, Хэлянь Хэн всерьез усомнился бы: а не переселилась ли душа того человека в тело этого мальчишки и не явилась ли к нему снова?

Он еще раз провел пальцем по кривым, неровным бороздкам трех язычков пламени на кинжале из черного золота. От постоянных прикосновений их края уже начали блестеть, излучая присущее лишь черному золоту властное сияние.

Точно так же, как и сам Юйчи Лань — редкий, единственный в своем роде во всем мире.

Извергая проклятия, Цзун Цзиня швырнули на открытую площадку, где незадолго до этого рядовые воины отрабатывали построения.

Вокруг возвышались десятки четырехгранных знамен, и от одного их вида у Цзун Цзиня защемило сердце: он чувствовал себя настоящим узником Хэлянь Хэна. Впрочем, реальность мало чем отличалась от его мыслей — не хватало разве что кандалов на руки и ноги да темницы, куда его могли бы забросить.

Он ругался, ругался, а потом сбавил обороты и переспросил:

— ...Что там у вас за шестой пункт воинского устава Хэлянь?...

Темные фигуры хранили молчание, словно кроме беспрекословного исполнения приказов Хэлянь Хэна были не способны больше ни на что.

Двое воинов швырнули Цзун Цзиня на землю и, не дав ему ни шанса подняться, придавили сапогом меж его лопаток.

Где уж слабому телу Цзун Цзиня вынести такое! Под тяжестью удара он зашелся в яростном кашле, да так, что, казалось, сейчас выплюнет собственные легкие. Не прошло и минуты, как один из стражей привел гнедого коня и остановился рядом с распростертым на земле Цзун Цзинем.

Тот сидел весь красный от кашля и еле слышно выдавил:

— Ч-что вы задумали...

Ответ не заставил себя ждать.

Тень ловко взметнулся в седло, сжимая в руке прочную пеньковую веревку. Другой конец веревки был накрепко привязан к обоим запястьям Цзун Цзиня.

Во второй руке всадник держал хлыст и легко, почти играючи, стеганул коня по крупу:

— Но!

— А-а-а-а...

Послушная лошадь перешла на легкую рысь, волоча за собой Цзун Цзиня по кругу среди пустой площадки.

— Хэлянь Хэн... ты... скотина!...

Время шло, солнце клонилось к закату.

Конь бежал бодро и резво, а вот человеку приходилось выживать изо всех сил.

Убийцы вовсе не собирались убивать его по-настоящему, поэтому всадник держал умеренный темп — ехал неспешно, как на прогулке, ровно настолько, чтобы Цзун Цзинь успевал делать шаги, то спотыкаясь, то подстраиваясь под бег, но не имея ни единой секунды на передышку.

Лицо Цзун Цзиня побелело, как полотно, в глазах темнело, но он из последних сил заставлял себя не сбавлять темпа: стоило ему оступиться и упасть — и волочение по неровной земле мигом стерло бы его кожу в кровавое мясо.

Вдали неспешно прогуливались Хэлянь Хэн и Бэйтан Ле, обсуждая дела. Позади них семенил У Сян, и все трое не замечая того направлялись к переднему двору.

Издалека они отчетливо разглядели ссутулившуюся фигуру, которая из последних сил бежала под лучами заходящего солнца. Бэйтан Ле, зажав в кулаке горсть арахиса, на ходу лузгал орехи и рассуждал:

— ...И все же нам не обойтись без вмешательства. Даже если глава не желает отнимать земли клана Юйчи, он же не может просто так сидеть сложа руки и смотреть, как семейка Хуанфу подминает всё под себя?.. Ой, а это еще кто? У нас же вроде последние дни затишье, кто опять накосячил?

Хэлянь Хэн бросил туда равнодушный взгляд и обронил, словно вспомнив обо всем только сейчас:

— Посторонние дела можно не расследовать.

— ...Похоже, это тот самый мальчишка? — изумленно протянул Бэйтан Ле. — С таким-то хилым телом и так над ним измываться... Зачем сразу не прикончить?

— Пусть пока поживет.

— Неужели главному так приглянулось его умение ублажать в постели?

Мужчина искоса глянул на него. Бэйтан Ле внутренне сжался, поперхнулся половинкой арахисового зернышка и дважды громко кашлянул:

— ...Шучу, шучу я, с чего бы вдруг, верно?

— Ты как раз вовремя напомнил, — отвел взгляд Хэлянь Хэн и тихо приказал: — Как только он закончит отбывать наказание, проследишь за ним. Пусть в резиденции делает что хочет, но покидать ее пределы ему запрещено.

— Слушаюсь, — кивнул У Сян.

Бэйтан Ле, услышав это, многозначительно искривил губы, но испугавшись поймать на себе взгляд Хэлянь Хэна, тут же стер улыбку и, желая сгладить неловкость, протянул ему пригоршню арахиса:

— Не желает ли глава перекусить?

— Проваливай, — без церемоний бросил Хэлянь Хэн.

<http://bllate.org/book/22011/2288233>